

О финальной стадии эволюции языка (лексико-семантический аспект)*

В статье показывается, что 1) «слова» протоязыка были однозначными и имели только основные значения; 2) при трансформации протоязыка в праязык эти «слова» стали многозначными — обрели метафорические и метонимические значения; 3) тот, кто способен понимать и порождать метафоры и метонимии, обладает человеческим представлением действительности, развитым мышлением и способностью творчески использовать многозначную лексику

Ключевые слова: лексический протоязык, эволюция языка, полисемия, основное значение, метафора, метонимия, праязык, усвоение языка.

1. Введение

Одной из главных проблем современной теоретической лингвистики является одновременное и в большинстве случаев «мирное» сосуществование множества противоречащих друг другу теорий языка (подробнее об этом см. в [Кошелев 2013]). Аналогичная ситуация имеет место и в более частных лингвистических дисциплинах, прежде всего в глоттогенезе. Так, касаясь многообразия теорий происхождения и эволюции языка, Д. Бикертон отмечает «**поразительное отсутствие консенсуса и несовместимость различных подходов**, с которыми исследователи сталкиваются на почве языковой эволюции» ([Bickerton 2007: 524]; выделено нами. — А. К.), см. также [Hewes 1977; Fitch 2010: 401—507; Козинцев 2010].

Для того, чтобы в этом многообразии подходов и гипотез найти точку приложения сил, мы, во-первых, предельно сузим рамки рассматриваемого нами периода языковой эволюции, ограничившись лишь ее финальной стадией — переходом от максимально развившегося **протоязыка** к **праязыку** (первому человеческому языку). Во-вторых, мы будем следовать гипотезе о том, что такой развитый протоязык был лексическим, и поэтому не обсуждаем две другие возможные модальности протоязыка: жестовую, идущую в современной трактовке от Г. Хьюза [Hewes 1977] (см. также [Панов 2004: 137—172]), и музыкальную, обсуждавшуюся еще Ч. Дарвином¹ и развиваемую Т. Фитчем [Fitch 2010: 466—506]. Важным достоинством гипотезы лексического протоязыка является ее относительно широкое признание в среде теоретиков-эволюционистов. Вот как характеризует ее Т. Фитч:

Речь идет о протоязыке, обладающем обширным словарем значимых символов, но лишенном отработанного синтаксиса. Слова в таком языке не комбинируются в сложно выстроенные пред-

* Выражаю глубокую благодарность А. Г. Козинцеву, Н. В. Перцову и Я. Г. Тестельцу за ценные замечания.

¹ О разных версиях протоязыка см., напр., [Fitch 2010: 401—506; Bickerton 2008; Бикертон 2012: 63 и сл.].

ложения, так что приобретение синтаксиса рассматривается как следующий, заключительный шаг в эволюции языка. Эта модель представляется справедливой для исследователей разных школ, между которыми существуют разногласия относительно многих других аспектов проблемы (например, Lieberman, 1984; Bickerton, 1990; Givón, 1995; Jackendoff, 2002) [Fitch 2010: 401].

В-третьих, мы считаем, что описание завершающей стадии языковой эволюции должно опираться на какую-то общую теорию языка. Поскольку в настоящее время таких общих теорий существует более десятка, эволюционная теория должна быть привязана к некоторой вполне определенной языковой концепции. Тем самым автор, с одной стороны, эксплицитно формулирует свой взгляд на устройство языковой системы, возникновение которой он должен объяснить, а с другой стороны, подчиняет построение своей эволюционной концепции «внешним» ограничениям, предопределяющим этапность развития данной языковой системы из некоторого исходного состояния (коммуникативной системы животных или протоязыка).

Поэтому в центре нашего внимания будут теории Д. Бикертонна [Bickerton 1990; Calvin, Bickerton 2000; Bickerton 2009] и Р. Джекендоффа [Jackendoff 2010], рассматривающие эволюцию лексического протоязыка. Первая из них опирается на концепцию креолизации пиджина, а вторая — на одну из версий генеративизма. Мы также коснемся эволюционной концепции Н. Хомского [Chomsky 2010], с которой обе эти теории тесно связаны и остро соперничают, см. [Fitch 2010: 401—432].

Охарактеризуем кратко данные концепции. Их объединяет по меньшей мере два фундаментальных свойства: нативизм и синтаксоцентричность. Во-первых, все три концепции исходят из гипотезы о наличии у ребенка врожденных структур языковых знаний (они называются по-разному: «универсальная грамматика», «генетический дар» [Chomsky 2005: 1], «механизм усвоения языка» [Jackendoff 2010: 63]) и пр.

Во-вторых, все они являются синтаксическими, поскольку исходят из положения, что главной характеристикой человеческого языка является синтаксис (иерархические синтаксические структуры языковых фраз), а потому в формировании синтаксиса и заключается сущность языковой эволюции, ср.: «⟨...⟩ синтаксический компонент является завершающей инновацией, так сказать, венцом эволюции языка» [там же: 71].

Различия же между этими теориями предопределяются их общетеоретическими установками и сводятся в конечном счете к вопросу о взаимосвязи языка и мышления. Н. Хомский в духе картезианской традиции постулирует неразделимость языка и мышления и, соответственно, скачкообразность языковой эволюции: синтаксические структуры и определяемые ими формы мысли появляются одновременно и сразу. Д. Бикертон и Р. Джекендофф постулируют относительную независимость мышления и языка и, соответственно, двухэтапность языковой эволюции: сначала имеют место элементарное мышление и протоязык (его асинтаксические фразы посредством фиксированного порядка протослов² задают лишь семантические роли и отношения («„Агенса“ на первом месте» и др.), а затем появляются развитый синтаксис и собственно человеческое мышление.

Поясним кратко сказанное. По мнению Н. Хомского, человеческий язык мог возникнуть лишь «одномоментно», одним скачком [Chomsky 2010: 59]³. Этот вывод неизбежно следует из его трактовки человеческого языка.

⟨...⟩ язык человека — это вычислительная система, часть мышления (механизмов мозга), которая порождает неограниченное множество структурно организованных выражений... Каждое поро-

² См. [Бикертон 2012: 254; Jackendoff 2010: 69].

³ Так же считают и некоторые другие лингвисты, см., напр., [Гумбольдт 1984: 308; Мюллер 2009: 270].

жденное выражение может рассматриваться как совокупность инструкций для *интерфейсных* систем, обеспечивающих связь с теми компонентами мышления (механизмами мозга), в которые вложена языковая способность [там же: 45; курсив автора].

Синтаксические выражения строятся из абстрактных «слов» специального лексикона («концептуальных или лексических „атомов“», которые суть наборы фонологических, синтаксических и семантических признаков). Что важно: использование этих выражений «для мышления, понимания и организации деятельности» обеспечивается специальным и внеположным языку «семантико-прагматическим» интерфейсом, преобразующим каждое такое выражение в логическую форму (Logical Form), пригодную для интерпретаций механизмами мышления человека. Иначе говоря, синтаксическое выражение задает форму мысли, а механизмы конкретного мышления — ее семантико-прагматическое осмысление⁴.

Видоспецифическим свойством языка (такой «вычислительной системы») является его способность порождать рекурсивные выражения⁵. Но рекурсивная синтаксическая структура не может возникнуть постепенно. Поэтому к формированию человеческого языка теория естественного отбора неприменима. Как считает Н. Хомский, возникновение языка было «результатом случайной мутации» [там же: 60].

Д. Бикертон и Р. Джекендофф, напротив, считают, что язык формировался поэтапно, через посредство лексического протоязыка.

Д. Бикертон, апеллируя к пиджинам и их исторически «моментальному» (в течение одного поколения) преобразованию в креольский язык, утверждает, что человеческий язык появился в два этапа: сначала сформировался «лексический» протоязык, асинтаксические фразы которого выражали элементарные мысли проточеловека (их звуковые «слова» «наназывались как бусины на нитку: А + В + С», не объединяясь в синтаксическую структуру), а затем этот протоязык скачкообразно трансформировался в полноценный человеческий язык, слова которого «образуют иерархическую структуру, похожую на дерево» [Бикертон 2012: 206]. Логика Бикертонна также вполне ясна: иерархическая структура, лежащая в основе синтаксиса, не может возникнуть постепенно. При этом неявно предполагается, что иерархическая структура компонентов мысли проточеловека не послужила образцом для образования синтаксической иерархии.

Р. Джекендофф определяет язык сходным с Н. Хомским образом — как генеративную вычислительную систему, порождающую правильные выражения из тех же абстрактных «слов» (см. выше) [Jackendoff 2010: 67]. Однако формируемое этой системой выражение не однослойно, как у Н. Хомского, а трехслойно и представляет собой «параллельную архитектуру» из трех структур: фонологической, синтаксической и «семантической / концептуальной», каждая из которых формируется своим порождающим модулем, и связывается с двумя другими «при помощи правил интерфейса» [Jackendoff 2007: 49].

Такая трехуровневая структура языковых фраз дает Р. Джекендоффу основание предполагать «разнообразные сценарии развития языковой способности» с постепенным

⁴ В. А. Плунгян представил этот аспект теории Н. Хомского следующей наглядной метафорой: «Язык мыслится неким подобием машины по производству пустых бутылок (пусть очень сложной формы и очень многих типов, но дело не в этом); если потом в бутылку для „Пепси-колы“ будут наливать бензин, это... никакого отношения к заводу-изготовителю не имеет. Завод следит, чтобы цвет стекол и форма доньшка соответствовали инструкции, за все остальное он нести ответственности не может» [Плунгян 1999: 51].

⁵ Согласно статье М. Хаузера, Н. Хомского и Т. Фитча [Hauser et al. 2002: 1573], «вычислительный механизм рекурсии... является уникальным для нашего вида», а рекурсивная синтаксическая структура специфична для человеческого языка.

увеличением «гибкости и эффективности системы коммуникации» [Jackendoff 2010: 71]. В самом деле, поскольку все три уровня фразовой структуры (фонология, синтаксис и семантика) независимы, вполне можно допустить первоначальное образование лишь двух из них: фонологического и семантического/концептуального. И тогда возможен сценарий, предлагаемый Д. Бикертоном: сначала возникает асинтаксический протоязык (аналог пиджина и языка полуторогодовалого ребенка) — инструмент выражения элементарных мыслей проточеловека, а затем этот протоязык обретает синтаксис, трансформируясь в полноценный человеческий язык. Р. Джекендофф в своих построениях отводит гораздо большую роль периодам постепенной эволюции протоязыка. Однако и он отмечает, что «возникновение иерархических структур... требует, как кажется, фундаментальных инновационных изменений репрезентативной способности мозга» [там же].

Как мы видим, различия теорий языка предопределяют своеобразие сценариев происхождения и эволюции языка. Укажем для сравнения на концепцию языковой эволюции М. Томаселло, опирающуюся на «грамматику конструкций» и альтернативную рассмотренным выше теориям. Согласно этой концепции в усвоении родного языка главным для ребенка является не генетический, а обучающий фактор (usage-based theory of language acquisition) [Tomasello 2003: 307—312; Томаселло 2012].

2. Когнитивно-семантический подход к эволюции языка

1. Лексоцентрическое направление. В предлагаемом нами подходе в качестве точки отсчета также берется лексический протоязык, но фокус внимания перемещается с синтаксического, на лексико-семантический аспект его эволюции. Если в рамках доминирующего в настоящее время синтаксоцентрического подхода главным результатом эволюции протоязыка считается возникновение сложных синтаксических структур и, в частности, рекурсии, то в лексико-семантическом подходе главным **итоном эволюции протоязыка** мы будем считать появление **лексической многозначности**: прежде однозначные протослова, трансформируясь в слова человеческого языка, становятся многозначными, обретают вторичные значения, причем не произвольного, а вполне определенного (метафорического и метонимического) типа.

Основанием для этой гипотезы служит следующее соображение. Для человеческого языка характерна многозначность его лексики. Это — одна из фундаментальных языковых универсалий. При этом структура лексической многозначности одинакова во всех языках. Многозначное слово содержит одно основное, или исходное значение (оно описывает фрагмент действительности: предмет, животное и т. д.) и несколько производных от него (метафорических или метонимических) значений, имеющих гораздо более сложную структуру (см. п. 4). Поэтому естественно предположить, что на каком-то этапе эволюции протоязыка его лексика была однозначной и обладала только основными значениями (или их протокоррелятами). В самом деле, поскольку производные значения многозначного слова образуются из (или при посредстве) основного значения, они появляются строго **позже основного**. Как мы покажем ниже, эта последовательность наблюдается и при усвоении ребенком знаменательных слов родного языка: сначала он усваивает основные значения своих первых слов, а примерно с двухлетнего возраста (на этапе речевого взрыва) его однозначные слова постепенно обретают производные значения.

Рассмотрение общих вопросов эволюции человека и его языка обязывает нас определить место нашего исследования в кругу подходов, изучающих эту тему. Заметим, прежде всего, что излагаемый нами «лексоцентрический» подход не является альтерна-

тивной синтаксоцентрическому подходу и, в частности, рассмотренным выше синтаксическим теориям языковой эволюции. Он находится в отношении дополнительности (а не в оппозиции) к собственно синтаксическим выводам этих теорий, поскольку эволюция языка представляет собой синхронное и взаимосвязанное развитие его лексикона и грамматики.

В то же время развиваемая нами точка зрения альтернативна «односторонним» концепциям, согласно которым из двух наиболее общих факторов, обеспечивших эволюцию человеческого языка (внутреннее развитие и влияние среды) выделяется какой-то один доминирующий фактор. Таким фактором часто становится либо «универсальная грамматика» (Н. Хомский и др.), либо «социальное взаимодействие» (Т. Дикон, М. Томаселло и др.), ср.: «большинство уникальных аспектов „высшего познания“ или даже все они тем или иным способом происходят из социального взаимодействия и его интериоризации индивидами» [Томаселло 2011: 26].

Наш подход лежит в русле общей концепции Герберта Спенсера, согласно которой всякое развитие живого существа осуществляется при тесном взаимодействии этих двух равновеликих факторов, или, говоря словами И. М. Сеченова, *«Всегда и везде жизнь складывается из кооперации двух факторов — определенной, но изменяющейся (нервной. — А. К.) организации и воздействия извне»* [Сеченов 1952: 288; курсив автора]. В более конкретном плане мы следуем концепции И. М. Сеченова, который в своей работе «Элементы мысли» [Сеченов 1952: 272—426] развил подход Г. Спенсера.

В данной статье сказанное демонстрируется на примере усвоения двухлетним ребенком лексической многозначности (умения понимать и порождать метафоры и метонимии), см. пп. 2—6. Как мы пытаемся показать, в овладении этой языковой способностью существенную роль играют оба фактора: внутренний (когнитивное развитие ребенка) и внешний (инпут и референция). Когнитивное развитие ребенка а) обуславливает образование **универсальной семантической структуры**, которая продуцирует формирование многозначной лексики, б) формирует новый, более детальный (свойства и части объектов) уровень **ментального представления действительности** и в) расширяет возможности **мышления**, включая в его сферу этот новый уровень. Фактор внешних воздействий складывается из а) речевого стимула, или инпута — воспринимаемой ребенком речи окружающих, и б) референтного стимула — непосредственно воспринимаемых им фрагментов и ситуаций действительности, которые описываются в речениях взрослых.

Лишь тесное взаимодействие обоих факторов способно обеспечить, на наш взгляд, ту быстроту и успешность, с которой ребенок усваивает метафорические и метонимические значения.

2. Когнитивно-лингвистический подход к лексической многозначности. В соответствии с логикой наших рассуждений мы должны теперь представить теорию лексико-семантических значений, включающую анализ и механизмы образования лексической многозначности, чтобы явным образом обозначить то итоговое состояние лексикона человеческого языка, к которому должна эволюционировать лексика протоязыка. Конечно, в небольшой статье это сделать невозможно. Ниже мы представим лишь краткий конспект этой теории, более подробно она изложена в статьях [Кошелев 2011; 2012].

В своих построениях мы будем опираться на две независимо существующие концепции: 1) на древнейшую лексикологическую традицию, различающую в знаменательном слове основное (исходное) и производные от него значения (в современной трактовке эта традиция представлена работами акад. В. В. Виноградова и ряда других

ученых⁶) и 2) на созданную в середине прошлого века трудами Э. Рош, Дж. Лакоффа и др. теорию «базовых концептов» — когнитивных единиц, формирующихся у ребенка в первые годы жизни и отражающих его начальную классификацию окружающего мира.

Наш интерес к этим концепциям вызван тем, что они с разных позиций изучают одно и то же явление: первичные **когнитивные единицы** (базовые концепты), возникающие в сознании ребенка помимо языка в результате сугубо когнитивного развития, становятся далее важнейшими **семантическими единицами** — основными значениями усваиваемых ребенком знаменательных слов. Соединяя эти концепции, мы сможем объяснить, с одной стороны, когнитивную сущность основного значения слова, а с другой стороны, природу и механизмы образования из него (из базового концепта) производных значений.

Рассмотрим кратко каждую из этих концепций и характер их взаимодействия. В соответствии с лексикологической традицией во множестве значений знаменательного слова выделяется «основное» значение, описывающее «кусочек действительности» [Виноградов 1977], и его семантические дериваты, или «производные» значения — метафорические, метонимические и синекдохические значения — порожденные из него посредством одноименных семантических механизмов (мы ограничимся здесь анализом лишь конкретной лексики и радиальной многозначности), подробнее об этом см. в [Кошелев 2011; 2012].

Проиллюстрируем сказанное примерами словарных статей слов *дерево* и *тарелка*.

Дерево

Основное значение:

1. 'многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону'.

Производные значения:

2. 'структура, образованная стволом дерева и его ветками' (метафора), напр., *дерево зависимостей*, *родословное дерево*;
3. 'то же, что древесина' (метафора), *резьба по дереву*.

Тарелка

Основное значение:

1. 'посуда круглой формы с приподнятыми краями и плоским дном'.

Производные значения:

2. 'плоская медная пластина ударного музыкального инструмента' (метафора);
3. 'содержимое тарелки' (метонимия), *тарелка супа*.

Согласно когнитивным исследованиям Э. Рош, Б. Берлина, П. Экмана, Дж. Лакоффа и др. (см. [Лакофф 2004: 52—85]), **первичные категории** — «деревья», «тарелки», «собаки», «яблоки» и др., задающие начальную классификацию предметного мира ребенка, формируются у него, начиная с конца первого года жизни, причем благодаря сугубо

⁶ Эта систематика лексических значений, идущая от Аристотеля, изучалась в средневековье (Ансельм Кентерберийский и др.), в лингвистических исследованиях А. С. Шишкова, младограмматиков (Г. Пауль) и лингвистов XX века. С середины 1930-х гг. сходная систематика значений слова разрабатывалась Р. Якобсоном и Е. Куриловичем, а в 1950-х гг. — В. В. Виноградовым. Позднее эта лексикографическая концепция нашла продолжение в трудах Д. Н. Шмелева, Дж. Лакоффа и др. [Шмелев 1977; Norvig, Lakoff 1987; Brugman, Lakoff 1988].

когнитивным процессам развития, независимо от «растущего» в нем родного языка. Кроме того, дети **усваивают имена вещей на этом уровне** раньше всего. Когнитивные единицы, задающие такие категории, получили название базовых концептов. Согласно Дж. Лакоффу, базовый концепт обладает **общей формой** (overall shape) и **типичными действиями**, которые осуществляются с этой формой. Далее мы будем для простоты рассматривать только «предметные» базовые концепты, задающие классы предметов и живых существ. В этом случае базовый концепт можно мыслить как целостный ментальный объект (вещь), хранящийся в памяти ребенка и задающий класс предметов, сходных с ним по форме и действиям. Например, ментальный объект ДЕРЕВО хранится в виде целостного и типизированного пространственного образа (объемной формы) дерева и типичных взаимодействий с ним. Аналогично, объект ТАРЕЛКА — это типичная объемная форма тарелки плюс стандартные действия с ней. Благодаря своей форме и действиям такие объектные репрезентации (базовые концепты) задают категории конкретных предметов.

Поскольку, с одной стороны (когнитивные данные), дети усваивают имена вещей первыми, а, с другой стороны (лингвистические данные), основное значение слова описывает «кусочек действительности» (а именно это и делает базовый концепт), мы будем полагать, что ментальный объект (= базовый концепт), получающий имя, и становится основным значением слова, усваиваемого ребенком. А категория предметов, задаваемых этим базовым концептом, становится прямым денотатом этого слова, или множеством его референтов ([Кошелев 2011: 702—715]).

Так, описание основного значения слова *дерево* («многолетнее растение с твердым стволом и ветвями...») отсылает к базовому концепту (объекту) ДЕРЕВО (форма дерева и возможные взаимодействия с ним), который задает множество конкретных деревьев — референтов слова *дерево*. Это же верно для основного значения слова *тарелка* и ментального объекта ТАРЕЛКА. Иными словами, мы постулируем, что основным значением детских слов *дерево*, *тарелка* и др. являются соответствующие ментальные объекты, формирующиеся в его памяти.

В итоге получаем следующую когнитивно-семантическую схему слова:

(I) Имя — основное значение — референты

Дерево — объект ДЕРЕВО — конкретные деревья (члены категории)

Тарелка — объект ТАРЕЛКА — конкретные тарелки (члены категории)

3. Усвоение основных значений. Эта простая схема позволяет объяснить, каким образом ребенок усваивает слова родного языка. Объекты типа ДЕРЕВО, ТАРЕЛКА, начинают формироваться в его памяти примерно с девятимесячного возраста. Следовательно, к началу произнесения ребенком первых слов (с 12—13 месяцев) некоторые из таких объектов уже существуют в его памяти, пусть и в нечетком пока, «сверхгенерализованном» виде⁷. Поэтому, когда ребенок слышит слово *дерево* или *тарелка*, ему нужно лишь догадаться, к какому из хранящихся в его памяти ментальных объектов оно относится. И дети легко это делают, наблюдая, какие предметы называют этими словами их близкие. Они быстро понимают, что ментальному объекту ТАРЕЛКА соответствует имя *тарелка*, а объекту ДЕРЕВО — имя *дерево*⁸. К примеру, в [Baldwin 1991] показано, что по-

⁷ О сверхгенерализованных (overextensions), т. е. диффузных, расплывчатых значениях первых детских слов см. [Mervis 1987; Елисеева 2008: 76—81; Clark 2009: 82—85; Кошелев 2009].

⁸ Ср. воспоминание Блаженного Августина: «Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом назы-

луторалетний ребенок связывает новое слово, только что услышанное от взрослого, не с тем предметом, на котором в данный момент было сосредоточено его внимание, а с другим предметом, на который взрослый обращал его внимание.

Как мы видим, для усвоения слова ребенку необходимы оба стимула — речевой (звуковая форма слова) и референтный (вид именуемого предмета).

Номинация, основанная на схеме (I), называется прямой номинацией. В ней имя (слово) используется как этикетка для хранящегося в памяти человека типизированного ментального объекта (базового концепта). В речевых номинациях эта этикетка переносится на конкретные предметы (референты), воспринимаемые ребенком. Довольно быстро (до двух — двух с половиной лет) ментальные объекты ребенка превращаются из сверхгенерализованных в четкие, строго разделенные. Ребенок теперь хорошо понимает, что каждое слово называет представителей «своей», но не «чужой» категории: словом *стол* можно называть только конкретные столы, словом *дерево* — только конкретные деревья, и т. д. А называть, скажем, стол словом *дерево* нельзя.

Коснемся теперь трех основных сфер речемыслительной деятельности ребенка полутора-двух лет, соответствующих схеме (I): его ментального представления действительности, мышления и речи. Формирующиеся в памяти ребенка базовые концепты дискретны, однако отнюдь не изолированы друг от друга. Они образуют ассоциативную сеть: концепт *ДЕРЕВО* связан с концептами *ЗЕМЛЯ*, *СОЛНЦЕ*, *ВОДА*, *ЯБЛОКО*, *ПОЛИВАТЬ*, *СРЫВАТЬ* (плоды, листья) и др. Концепт *ТАРЕЛКА* — с концептами *ЛОЖКА*, *КАША*, *СТОЛ*, *КУШАТЬ*, *СИДЕТЬ* и т. д. В результате в сознании ребенка формируется сеть базовых концептов, представляющая окружающий его мир в виде совокупностей целостных объектов, действий, масс (*ЗЕМЛЯ*, *ВОДА*) и мест (*ДВОР*, *ДОРОГА*). Мышление ребенка оперирует этими базовыми концептами, формируя из них мысли, или мысленные ситуации — два или более концепта, связанных действиями или отношениями⁹. Эти ситуации и описывает ребенок, используя усвоенные им слова в основных значениях.

4. Производное значение как предикативное высказывание. Производное значение типологически и структурно отлично от основного значения (базового концепта). Во-первых, оно **композиционно** (составлено из нескольких компонентов). Кроме того, слово, употребленное в производном значении, называет не отдельный предмет/концепт, а **предикативную мысль** — конкретный предмет **другой**, не базовой категории, обладающий **характерным** свойством, связывающим его с некоторым **свойством предмета базовой категории**.

Проиллюстрируем этот тезис примерами. В метафоре *Ваня не мальчик, а маленькая обезьянка* слово *обезьянка* называет не базовый объект — конкретную обезьянку, а объект другой категории — мальчика Ваню, который обладает характерным свойством 'вертлявость, «обезьянничанье», связывающим его с типичным свойством обезьяны (базового объекта). В метонимии *Где Ваши бумаги?* слово *бумага* называет не конкретную бумагу, а 'документ' на бумажном носителе. Наконец, синекдоха *Эй, борода* называет не

вается именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигиванья, разных телодвижений и звуков...» (Исповедь), см. также [Ganea et al. 2007: 734—735], ср. описание в [Панов 2012: 372] процесса усвоения английской речи карликовым шимпанзе Канзи.

⁹ В соответствии с классическим определением И. М. Сеченова «всякую мысль можно рассматривать как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» [Сеченов 1952: 277].

базовый объект — конкретную бороду, а человека, обладающего характерным свойством «однозначно идентифицируется своей частью», связанным с базовым объектом (борода), который и является этой частью.

Как мы видим, слово, употребленное в производном значении, уже не является этикеткой. При порождении новой метафоры, метонимии или синекдохи оно употребляется индивидуально и творчески, называя не отдельный объект, а целую предикативную мысль, т. е. особого вида высказывание.

Продолжим иллюстрацию этого тезиса.

Метафора. *Это не молоко, а вода.* Здесь слово *вода* связывает конкретное безвкусное, не содержащее полезных веществ молоко (это его специфическое свойство) с базовым концептом ВОДА, с присущим ему свойством 'отсутствие вкусового и питательного компонента'. Во фразе *Это не бульон, а вода* аналогичное специфическое свойство выделяется в данном бульоне. В другом случае, скажем о кислом, забродившем молоке, можно сказать *Это не молоко, а квас*. Здесь также отмечается не просто свойство молока, сходное со свойством концепта КВАС, а свойство, специфическое для данного молока.

Итак, в **метафорическом** высказывании именем концепта (*вода*) называется 'объект другой категории (молоко), который имеет **специфическое** свойство ($\approx$ безвкусное), **сходное** со свойством концепта'.

Метонимия. *Чайник кипит.* Словом *чайник* названа вода в чайнике — смежный с чайником объект другой категории, который образует с ним новое системное целое: чайник и вода, которую он греет. Вода здесь — специфическая смежная составляющая чайника, **не только контактно** («по смежности»), **но и функционально** связанная с ним. В самом деле, предположим, что вода в чайнике кипит по другой причине: благодаря независимому электрическому кипятильнику, который мы опустили в чайник. Теперь уже фраза **Чайник кипит* некорректна. Вода не составляет с чайником нового комплексного единства.

По этой же причине метонимия *тарелка сыра* корректна, если сыр заполняет тарелку небольшими кусочками, образуя с ней новую физическую целостность, а не лежит в ней двумя-тремя самостоятельными кусками. Еще более наглядную иллюстрацию указанного принципа (образования интегрированной двухсоставной системы) дает пример А. А. Реформатского: «французское *jalousie* — жалюзи — „оконные шторы из деревянных пластинок“ от *jalousie* — „ревность“ (того, кто подсматривал в окошко через створчатую штору)» [Реформацкий 1996: 47]. Штора образует с подглядывающим системное единство, поскольку, скрывая подглядывающего, не препятствует, а напротив, содействует ему.

Итак, в **метонимическом** высказывании именем концепта (*чайник*) называется 'соединенный с конкретным чайником объект другой категории (вода в чайнике), который имеет **специфическое** свойство: образует с чайником **интегрированное целое** (чайник кипятит воду)'.

Синекдоха. В обращении *Эй, борода!* слово *борода* называет не бороду как таковую (референт основного значения), а мужчину с бородой. Причем борода здесь выступает не просто как одна из частей мужчины, а как часть, идентифицирующая его (в компании бородатых мужчин такое обращение бессмысленно). Аналогичную идентифицирующую функцию несут имена *Красная Шапочка*, *бобер*, *енот* (о человеке в пальто с енотовым, бобровым воротником). *Я нуждаюсь в крыше для моего семейства* (Герцен). Здесь словом *крыша* называется дом. Будучи частью дома, крыша однозначно его идентифицирует.

Итак, в **синекдохическом** высказывании именем концепта (*борода*) называется 'объект другой категории (человек), имеющий своей частью объект базовой категории —

бороду, которая обладает **специфическим** свойством: **идентифицирует** данного человека в рамках референтной ситуации’.

5. Три синхронных новообразования в развитии ребенка. Проведенный анализ обнаруживает одну характерную черту производного значения и косвенной номинации: в их формировании используется не целостный объект, как в случае основного значения и прямой номинации, а **отдельные компоненты** (свойства и части) **целостного объекта**.

Следовательно, для того, чтобы ребенок оказался способным к самостоятельному пониманию и порождению косвенных номинаций, он должен научиться вычленять в объекте отдельные свойства и части, мысленно манипулировать ими, сопоставляя друг с другом, и соответственно именовать результаты таких сопоставлений. Для этого в речемыслительной сфере ребенка должны произойти более или менее одновременно три преобразования: одно — в представлении окружающего мира (появление свойств и частей базовых концептов), другое — в мыслительной сфере (манипулирование этими свойствами и частями), третье — в его языковой способности (именование результатов таких манипуляций). Это центральный момент рассуждения.

Представление мира: разложение концептов на компоненты. Необходимо предположить, что способность понять косвенную номинацию ребенок обретает только после того, как в его когнитивном развитии происходит очередной (и революционный) шаг: он научается дифференцировать в своих ментальных объектах **отдельные** свойства. В объекте ДЕРЕВО он вычленяет материал (древесину). Это же свойство он распознает и в воспринятом деревянном столе — предмете из совершенно другой категории. Аналогично в объекте ТАРЕЛКА он дифференцирует ее форму как отдельное, самостоятельное свойство — основу для сравнения с совершенно иным предметом — металлическим диском, также относящимся к другой категории предметов, поскольку он предназначен для иных целей, и потому с ним осуществляют совершенно другие действия, чем с тарелкой и пр.

Как свидетельствуют экспериментальные данные, указанная когнитивная способность начинает появляться у ребенка примерно с полутора лет. В это время из синкретического пространственного образа объекта вычленяется его форма (как самостоятельная характеристика). Эту тенденцию развивающуюся у детей к 18 месяцам, с 1988 г. стали называть «предпочтением формы»:

Когда дети усваивают имена новых объектов, они имеют склонность распространять эти имена на другие объекты *такой же формы* — этот феномен получил название *предпочтение формы* (shape bias) [Markson et al. 2008: 204].

Анализ этой тенденции (см., напр., [Pereira, Smith 2009]) позволяет утверждать, что примерно с 18-месячного возраста главным ориентиром для ребенка при назывании нового предмета служит прежде всего его **пространственная форма** и ее сходство с формой уже известных ему предметов. Вычленившаяся форма предмета служит теперь также основанием и для первых детских метафор. Они появляются раньше метонимий и синекдох, ср. метафоры двухлетней Лизы Е.: «Вот такая терка у меня — о кондиционере в немецком поезде, напоминающем тёрку... надела пустую головку от мака на пальчик: *Это наперсток*» [Елисеева 2008: 115].

В это же время дифференцируются параметрические и «перцептивные» свойства предмета: определение по внешнему виду его веса, ср.: «Ближе к 18 месяцам ... ребенок

способен предугадывать вес предметов, которые он еще не держал в руках» [Бауэр 1985: 212], различение его состояния (сухой — влажный [Ganea *et al.* 2007]) и др.

Приближаясь к двухлетнему возрасту дети начинают мысленно членить окружающие их предметы на отдельные части (части тела человека и животных они дифференцируют раньше), ср.:

В конце второго — начале третьего года жизни ребенок начинает выделять отдельные элементы, детали в объектах. Например, дети в возрасте 1 год 10 месяцев — 2 лет уже пытаются сорвать цветок, схватывая его за стебелек, берут крышку сахарницы за шишечку, а не всю ее и т. д. [Кольцова 1980: 37].

В этот период ребенок уже «просит называть предмет и его части: Женя И. (двух лет) хлопает рукой по сиденью трактора, смотрит на мать, вокализирует и не успокаивается, пока мать не назовет части трактора (руль, сиденье и др.)» [Исенина 1986: 54].

В результате ментальная репрезентация окружающего мира ребенка, включавшая до сих пор только целостные объекты [Кошелев 2011: 731—732; 2011а: 177], вдруг становится гораздо более дробной, «мелкозернистой». Число составляющих ее компонентов многократно увеличивается.

Не следует, однако, думать, что с обретением нового, «компонентного», уровня представление мира ребенка «рассыпается» и теряет свою связность. Во-первых, указанная дифференциация идет постепенно, затрагивая сначала самые близкие и понятные ребенку объекты. Во-вторых, согласно общей теории развития [Кошелев 2011б], за дифференциацией следует интеграция выделившихся свойств, объединяющая их в системные объекты. Иначе говоря, на этом новом, «компонентном» уровне когнитивного представления мира (а он надстраивается над сохраняющимся в памяти «объектным» уровнем) целостные объекты представляются как системы своих свойств и частей. Таким образом, детская репрезентация мира становится, наряду с дискретной (уровень базовых концептов), еще и системной (компонентный уровень).

Понятно, что перед ребенком сразу же возникает проблема номинации: как называть вновь появляющиеся дробные компоненты своего представления мира? Механизмы метафоризации и метонимизации как раз и «придуманы» для решения этой проблемы: с их помощью можно называть отдельные «зерна» этой мозаичной картины (свойства, части прежде целостных ментальных объектов), используя уже известную ребенку лексику.

Мышление: мысленное манипулирование свойствами и частями объектов. С появлением в детском представлении мира компонентного уровня модифицируется и его мышление. Ребенок научается оперировать отдельными свойствами своих базовых концептов, в частности, сопоставлять свой (уже системный) ментальный объект с встретившимся ему конкретным предметом другой категории (теперь тоже системным), подмечая какое-то его характерное свойство. Например, вычленив в воспринятом столе свойство ‘материал — древесность’, он может теперь соотнести его с объектом ДЕРЕВО, которому это свойство исконно присуще. Тем самым возникает новая мысль: «Данный стол обладает характерным свойством ‘древесность’, которое связывает его с объектом ДЕРЕВО, обладающим тем же свойством». Она и лежит в основе метафорической номинации *Это дерево* (о материале деревянного стола)¹⁰. Аналогичная мысль возникает у ре-

¹⁰ Подчеркнем: для метафоры важно соотнесение какого-то свойства **ментального объекта** (как источника метафоры) с соответствующим свойством **конкретного предмета другой категории**. Это отно-

бенка, когда он видит общность формы объекта ТАРЕЛКА с формой конкретного предмета **другой категории** — металлической тарелкой ударного инструмента или дискообразным летательным аппаратом неизвестной природы.

И благодаря таким мыслительным операциям — связыванию ментального объекта с **отдельными предметами других категорий** — ребенок теперь способен формировать подклассы категорий: выделять в категории «стулья» подкласс «деревянные стулья», имеющие общее свойство с категорией «деревья», выделять во множестве плоских предметов подкласс «тарелок», схожих по форме с типичной тарелкой и т. д. Увеличившаяся дробность детской картины мира сопровождается усилением ее связности.

Язык: возникновение косвенной номинации. Сформировав метафорическую мысль: «Данный стол обладает характерным свойством ‘древесность’, связывающим его с объектом ДЕРЕВО», — ребенок должен как-то понять, что известное ему слово *дерево* в номинативном и содержательном плане можно использовать и иначе: не только для именования «своего» ментального объекта ДЕРЕВО и задаваемых им конкретных деревьев, но и для называния этой предикативной мысли, т. е. для именования «чужого» предмета — стола, обладающего лишь отдельным свойством ‘древесность’ «своего» объекта. Короче говоря, он должен научиться называть хорошо известными ему существительными и глаголами не только конкретные объекты и действия, но и новые, гораздо более сложные когнитивные единицы — свои предикативные мысли об объектах и их свойствах.

6. Как ребенок усваивает косвенную номинацию? Механизм косвенной номинации (подробнее о нем см. в [Кошелев 2011: 706—711]) ребенок начинает усваивать примерно с двух лет. В этом возрасте в детской речи появляются метафорические употребления слов: двухлетняя Ася П. называет вязаную шапочку на голове матери *грибом*, Аня (год и 9 месяцев), положив цветок календулы на голову, говорит: *У Ани зонтик*. Дочь Жана Пиаже Жаклин (2 года и 3 месяца), держа расческу над головой, говорила: *Это зонтик*. Подчеркнем: это не сверхгенерализации, а производные (метафорические) значения употребленных слов. Ребенок уже хорошо знает слова *шапка*, *цветок*, *расческа*, которые (в их основных значениях) нужно здесь использовать. После двух лет появляются и метонимические употребления, ср.: «*Настоящие коробочки получились* — о куличах, сделанных с помощью коробочки из-под масла» [Елисеева 2008: 115].

Столь раннее и быстрое понимание и использование косвенной номинации поистине удивительно. Ведь только-только ребенок усвоил правила прямой номинации, согласно которым словом *дерево* можно называть деревья, но никак не столы, миски и проч. предметы других категорий. И вот теперь ребенок замечает, что окружающие его взрослые иногда нарушают эту «номинативную конвенцию», называя известным ему словом типологически совершенно другой референт, т. е. предмет или действие, заведомо не принадлежащее к классу прямых референтов слова. Например, словом *тарелка* взрослые называют медную пластинку ударного музыкального инструмента, словом *петух* — человека, фразой *Молоко убегает* — вскипающее молоко и т. д.

На первых порах ребенок негативно воспринимает «неправильные» номинации взрослых, ср.: «Особенно часто критикуют дети высказывания, в которых используются глаголы движения... в их производных значениях: „Молоко не может убежать, у НЕГО

нение асимметрично. Мы не можем метафорически сказать о воспринятом дереве *Это стол*, — имея в виду ‘древесность’ этого дерева и воспринятого стола, поскольку ‘древесность’ не является (обязательным) свойством ментального объекта СТОЛ (категории «столы»).

ЖЕ НЕТУ НОГ!“, „Дорога сбегает с горки. А что, разве у нее НОГИ есть?“» [Цейтлин 2000: 199—201]. Однако вскоре ребенок начинает понимать, что эти номинации тоже правильны, но основаны на совершенно ином принципе: слово называет чужой объект метафорически — не по совокупности его свойств, соответствующей целостному ментальному объекту (= базовому концепту), как в случае прямой номинации, а по какому-то его **отдельному** свойству. Называя словом *дерево* стол, взрослые указывают на свойство стола ‘деревянный, сделанный из дерева’. При этом другие свойства объекта ДЕРЕВО, отсутствующие в референте «стол» (ветви, ствол дерева, его способность расти и пр.), игнорируются. Аналогично, называя медную пластинку словом *тарелка*, они указывают лишь на схожесть ее формы с формой тарелки, и т. д. Важно также, что ребенок не утрачивает при этом старый механизм прямой номинации, ср.:

Особенность отношения к полисемии и омонимии у Лизы в легкости ее приятия асимметрии языкового знака. Лиза не столько недоумевает или удивляется новому значению, сколько просто демонстрирует свое понимание того, что это значение — другое. Интересны несколько примеров употребления ребенком слова *угол* (*уголок/уголки*)...

Лиза (3 года 3 месяца): А что ты меня пытаешься в *угол* поставить? Как хорька какого-то. Мать: Этот вопрос — трансформированная цитата из «Сказки об умном мышонке» Маршак: Мы, хорьки, больше любим *уголки* (игра уголки. — А. К.).

Мать (о мозаике): Клади в *угол*. — Лиза (3 года 9 месяцев): *Угол* вообще-то бывает для плохих девочек.

Естественно задаться вопросом, как ребенок догадывается об этом новом механизме номинации? Ведь никто ему этот механизм не разъясняет, поскольку носители языка его отличия от механизма прямой номинации просто не замечают.

Чтобы уяснить трудности, возникающие здесь перед ребенком, проанализируем речевую ситуацию, в которой он оказывается. Наряду с усвоенной им прямой номинацией ребенок становится свидетелем употребления тех же слов в **новых и разных** значениях: в метафорическом (Это *дерево* — о деревянном столе), в метонимическом (*Кастрюля кипит* — о кипящей в кастрюле воде) и в синекдохическом (*Шляпа, иди сюда* — обращение к человеку в шляпе). Каждая из этих косвенных номинаций устроена по своим весьма прихотливым правилам, которые носители языка неукоснительно соблюдают. Например, мать ребенка говорит *Кастрюля кипит*, если кастрюля с кипящей водой стоит на плите, но она никогда так не скажет, если вода в кастрюле кипит от вставленного в нее кипятильника. Хотя механизм образования метонимии в таких деталях ей совершенно не известен. Более того, эти правила в полном объеме неизвестны даже исследователям. К примеру, лингвисты определяют метонимию как «такой перенос названия, который совершается... на основании смежности, т. е. соприкосновения вещей в пространстве или во времени» ([Реформатский 1996: 47; разрядка автора]) и не отмечают, что **не на всякий смежный предмет** это название переносится (я этот факт обнаружил в процессе собственного анализа, ранее он мне не встречался в лингвистических работах по метонимии). Аналогично, мать ребенка может сказать *тарелка сыра* лишь о множестве мелких кусочков сыра, заполняющих тарелку, но не об одном-двух больших кусках? Это же верно и в отношении детской метонимии *Настоящие коробочки получились* («о куличах, сделанных с помощью коробочки из-под масла»). Можно не сомневаться, что если бы эти же куличи (точно такой же формы) были сделаны руками, а не с помощью коробочки из-под масла, ребенок не употребил бы эту уже некорректную фразу.

Несмотря на имплицитность и неочевидность правил, по которым образуются косвенные номинации, ребенок быстро научается понимать и порождать их. Откуда ему

известно, что имеется только три типа косвенных номинаций, тоже не понятно. Никто ему об этом, естественно, не говорит, но никакой произвольности в своей речи в этом плане ребенок не демонстрирует.

Мы полагаем, что в таких условиях ребенку совершенно недостаточно входных речевых данных, инпута — воспринимаемой речи окружающих, чтобы столь быстро научиться понимать и порождать производные значения. Обратимся для иллюстрации сказанного к статье [Казаковская 2010], посвященной влиянию реплик-реакций со стороны взрослых на речевую продукцию двух-трехлетнего ребенка. Автор, относится к представителям «социопрагматического подхода к усвоению языка», в рамках которого отвергается тезис Н. Хомского о «бедности языкового стимула» (poverty of the stimulus argument)¹¹, недостаточного в силу этого для усвоения ребенком родного языка (с. 3). Тем не менее, в своем исследовании В. В. Казаковская отмечает, что лексические ошибки «практически не являются объектом негативной реакции со стороны взрослого» (с. 27). А между тем метафора, метонимия и синекдоха основаны именно на лексических употреблении.

Но, может быть, дети могут получить помощь от родителей, по поводу трудностей понимания услышанного слова в производном значении? Увы, и этой возможности у них нет. Их родители не только сами не понимают, как они используют косвенную номинацию. Они даже не представляют, что тут может быть непонятного, настолько легко и непроизвольно они это делают.

Кроме того, наглядно объяснить ребенку, что именно называет слово в производном значении весьма затруднительно. Ведь здесь невозможно задать референт остенсивно — указать на предмет рукой или взглядом, как это было при усвоении прямых номинаций, — поскольку нельзя указать на отдельное свойство вещи. К тому же, эти свойства типологически различны: метафора указывает на одно свойство, метонимия — на другое, а синекдоха — на третье. Тем не менее, для уяснения косвенной номинации ребенок должен а) воспринимать такие номинации (речевой стимул) и б) видеть называемые ими предметы (референтный стимул), чтобы вычленять в них каждый раз указываемое свойство. Например, услышав фразу *Это — дерево*, обращенную к столу, ребенок должен видеть этот стол, чтобы идентифицировать свойство стола, на которое указывает говорящий, скажем, на материал ('древесина').

Сказанное позволяет предположить, что усвоить косвенные номинации, опираясь только на инпут, референтный стимул и помощь окружающих — для ребенка задача непосильная. А значит, это усвоение предопределено генетически. Можно предположить, что примерно в два года у ребенка актуализируются абстрактные структуры (формы) и механизмы формирования метафор, метонимий и синекдох. Они, по-видимому, универсальны, т. е. одинаковы для всех языков. А дальше свою столь же важную роль начинают играть внешние стимулы: инпут и референция, которые конкретизируют эти абстрактные структуры и запускают соответствующие механизмы. Как только это происходит, ребенок начинает понимать и порождать косвенные номинации. И это означает, что он перешел на качественно более высокий уровень речемыслительной деятельности. Резюмируя сказанное, можно утверждать, что **детские метафоры, метонимии и синекдохи свидетельствуют о формировании у ребенка взрослого представления мира, мышления и языка.**

¹¹ Имеется в виду фрагментарность, бессистемность, а иногда и неправильность звучащей в окружении ребенка речи.

3. Метафора и метонимия как эволюционные признаки *homo sapiens* (свидетельства глоттогенеза и глоттохронологии)

1. О полимодальном скачке в эволюции гоминид. Теперь мы готовы к описанию лексоцентрической концепции языковой эволюции. Основываясь на приведенных выше рассуждениях, можно сформулировать гипотезу об эволюции протолюдей (ранних *Homo sapiens*), владевших «лексическим» протоязыком — непосредственным предшественником человеческого языка.

Об уровне их когнитивного развития мы будем судить по их протоязыку. Согласно нашей гипотезе, основная часть его лексикона состояла из **однозначной** знаменательной лексики (существительные и глаголы, как предполагается в [Calvin, Bickerton 2000]), которая описывала наиболее важные для проточеловека «кусочки действительности» — предметы, массы, места, действия и состояния. Следовательно, представление действительности у протолюдей было гомологично картине мира полутора-двухлетнего ребенка и представляла собой сеть целостных базовых концептов. Но это означает, что их мышление было способно оперировать лишь такими концептами, а их способность называть окружающие явления ограничивалась лишь прямой номинацией — названием предметов и действий, но не отдельных их свойств.

Решающий эволюционный скачок, трансформировавший сознание проточеловека в сознание человека, представлял собой по меньшей мере три синхронных скачка, аналогичных описанным выше новообразованиям, которые происходят у каждого ребенка на третьем году жизни: а) представление мира проточеловека дифференцируется и обретает новый, «компонентный» уровень, б) его мышление становится способным к оперированию, наряду с целостными объектами и действиями (базовыми концептами), их отдельными компонентами, т. е. к сопоставлению их друг с другом в том или ином отношении и в) у него появляется способность к косвенной номинации — использованию слов в метафорических, метонимических и синекдохических значениях, благодаря чему слова возникающего праязыка становятся многозначными.

Дадим краткое обоснование этой гипотезы.

2. О трансформации лексики протоязыка в лексику праязыка. Мы принимаем гипотезу С. А. Старостина о том, что общечеловеческий праязык возник примерно 40—50 тыс. лет назад. Он определил этот срок, опираясь на данные глоттохронологии (скорость старения и замены базовой лексики) и на глобальные этимологии. Ср.:

Наиболее вероятная теория сейчас — это моногенез. То есть то, что язык произошел из одного источника (праязыка. — А. К.). <...> По лингвистическим данным, это никак не глубже, чем 40—50 тысяч лет <...> — это максимум, потому что те макросемьи, которые нам известны, имеют датировку порядка 15—17 тысяч. Для сведения воедино других языковых семей может потребоваться еще два-три этажа, но исходный пункт не может быть старше 40—50 тысяч лет, иначе не сохранились бы глобальные этимологии, иначе мы не увидели бы вообще ничего. Это можно показать чисто математически [С. Старостин 2003: 42—43].

Так же считают лингвисты М. Рулен [Ruhlen 1996], Н. Хомский и антрополог и биолог Р. Клейн (R. Klein), биолог Т. Фич [Fitch 2010: 250, 257], ср.:

... из множества загадок, относящихся к языку, две имеют основополагающий характер: во-первых, почему вообще существуют языки? И, во-вторых, почему языков так много?... Ответы на оба вопроса определяются около 50 000 лет назад. К тому времени наши предки начали покидать

Африку и быстро расселяться по всему миру. Имеются убедительные свидетельства того, что с тех пор языковая способность по существу не менялась (...) Вероятно, некое генетическое событие перенастроило мозг таким образом, что возникли механизмы для языка с богатым синтаксисом, дающим различные способы выражения мысли. Это стало предпосылкой для социального развития и быстрых изменений в поведении, которые отражены в археологических данных и, возможно, вызвали выход из Африки, где гоминиды, которые с анатомической точки зрения были современными людьми, существовали до того на протяжении сотен тысяч лет [Chomsky 2010, 60].

50,000 лет назад возникла реальная точка перегиба, своего рода квант прогресса (quantum advance) в способности к охоте и собирательству. Мы получили, например, первые свидетельства рыбной ловли. Я работал в Южной Африке, работал на стоянках, имеющих возраст старше 50,000, и стоянках более поздних... Они располагались на побережье, когда их занимали древние люди. Если у вас стоянка старше 50,000 лет, которая расположена на побережье, то никаких костей рыб в ней нет. Вы можете заранее это предсказать. Но после 50,000 лет кости рыб будут уже доминировать... если мы углубимся в артефакты, все станет очевидно: технология для ловли рыб появляется не ранее 50,000 лет тому назад.

(...) Итак, что-то очень важное произошло 50,000 лет назад. Я думаю, мы пересекли своего рода Рубикон, порог. (...) я полагаю, это была точечная мутация, произошедшая в мозге. Возможно, это было чем-то, что позволило языкам, как мы понимаем это сегодня, быстро продуцировать, артикулировать (членораздельно произносить) речь, речь такого типа, с которой я обращаюсь сейчас к вам¹².

Зададимся вопросом: каковы были значения «слов» протоязыка? Были ли это поименованные понятия, сходные с дискретными базовыми концептами двух-трехлетнего ребенка или же это были аморфные когнитивные единицы, подобные «сверхгенерализованным» (диффузным) лексическим значениям ребенка одного-двух лет?¹³

3. Свидетельства глоттохронологии. Для ответа на этот вопрос обратимся к глоттохронологии и ее исходному инструменту — 100-словному списку Сводеша (см. [С. Старостин 2007: 782]), содержащему небольшой набор «самых главных слов, самых главных значений, которые существуют фактически в каждом языке... и составляют базовый костяк языка» [Мудрак 2005]. Это почти сплошь знаменательные слова: *человек, рыба, птица, дерево, лист, корень, рука, нога, голова, пить, есть (кушать), идти, давать, сказать, солнце, вода, песок, земля, огонь, дорога, гора ...*

Слословный список Сводеша почти полностью состоит из конкретной лексики. Согласно глоттохронологии, ряд слов из него содержался и в человеческом праязыке, ср.: «Есть набор корней, которые так или иначе обнаруживаются по всему земному шару. (...) Таких глобальных этимологий найдено довольно много, и я не умею объяснить это явление иначе, как предположив, что это слова, которые восходят к какому-то общему источнику (праязыку. — А. К.)» [С. Старостин 2003: 42]. А это означает, что базовым ядром праязыка был типологически совершенно аналогичный набор слов (конечно, он был гораздо шире, но его конкретный состав нам сейчас неважен). Поэтому в рамках нашего

¹² См. лекцию Р. Клейна «О трех различных популяциях человека» (<http://www.accessexcellence.org/BF/bf02/klein/bf02e3.php>), а также монографию [Klein, Edgar 2002].

¹³ В англоязычной литературе по когнитивному развитию ребенка эти единицы часто называют «sortal concepts (sortal kinds)». Это — нечеткие прообразы первичных базовых категорий, таких как «мячи», «чашки», «куклы», «утки» и др.). Они появляются у 12-месячных младенцев (а в 10 месяцев их еще нет) и «соответствуют тому, что психологи называют категориями базового уровня» [Xu 2007: 400–401], см. также [Mervis 1987; Murphy 2002: 303–309].

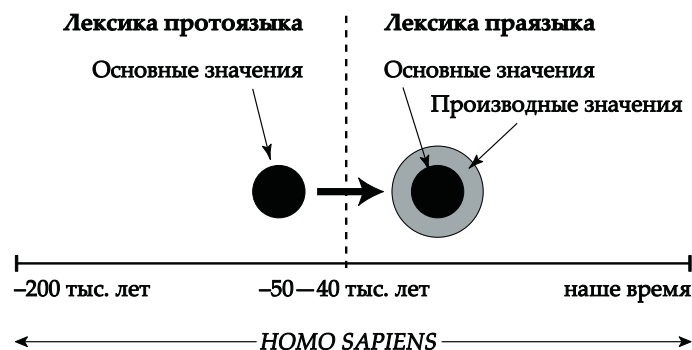


Рис. 1. Трансформация однозначной лексики протоязыка в многозначную лексику праязыка: слова сохраняют исходные значения (черный круг) и обретают производные значения (серое кольцо).

рассуждения список Сводеша вполне можно рассматривать как выборку типичных слов базового ядра праязыка.

Анализу основных значений слов из этого списка в глоттохронологии уделяется большое внимание (в связи с проблемой поиска точных эквивалентов его английским элементам в других языках и возникающей здесь проблемой синонимии), см. [Г. Старостин 2013: 105—124, 264—297; Kassian et al. 2010]. Не следует, однако, забывать, что в каждом языке слова стословника обладают, наряду с основными (базовыми, универсальными), еще и лингвоспецифичными производными значениями. Например, в русском языке слово *вода* имеет метафорическое значение ‘безвкусная, не содержащая питательных веществ жидкость’, ср.: *Это не молоко / не бульон, а вода*; слово *гора* имеет метафорическое значение ‘огромный размер, величина’, ср.: *Человек-гора*; *У него гора проблем*.

В других языках базовые слова могут иметь другие производные значения. Так, одинаково корректны в русском и английском языках фразы: *Ваня не мальчик, а маленькая обезьянка* (производное значение ‘гримасничает, кривляется, передразнивает других’) и *Vanya is not a boy, but a little monkey*. И напротив, существенно различаются фразы *Ты видела ее мужа? Он настоящая обезьяна!* (производное значение ‘очень некрасивый человек’), *Have you seen her husband? He is a real dog* (*monkey). А в немецком языке производное значение слова *обезьяна* выражает особый тип ‘развязного, бесшабашного поведения’, характерного для опьяневшего человека, ср.: *sich einen Affen kaufen* — разг. ‘начать пить и немного охмелеть’, букв. ‘купить себе обезьяну’; *den Affen loslassen* — разг. ‘предаться буйному (пьяному) веселью’, букв. ‘выпустить обезьяну’.

Из сказанного можно заключить, что и базовые слова праязыка обладали своими производными значениями, отражавшими присущий носителям праязыка взгляд на окружающий мир. Как в связи с этим отмечал более 200 лет назад А. С. Шишков, «сцепление понятий у каждого народа делается своим особливим образом» [Шишков 1803/2010: 36].

Сделаем теперь шаг назад и зададимся вопросом: каковы были слова протоязыка, непосредственно предшествовавшего праязыку? Сказанное выше дает основание полагать, что это были практически те же базовые слова праязыка, но однозначные, обладавшие лишь основными, или исходными значениями (= базовыми концептами) и не обросшие пока еще производными значениями, см. рис. 1. Ведь, как показал генезис производных значений слова, они появляются позднее исходного значения (базового концепта) и на его основе. С другой стороны, если мы предположим, что значениями

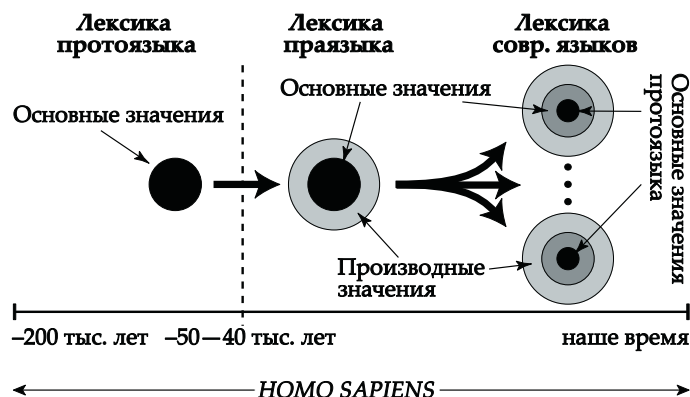


Рис. 2. Некоторые слова протоязыка «сохранились» в современных языках (малые черные круги).

слов протоязыка были не дискретные базовые концепты, а более размытые, сверхгенерализованные когнитивные единицы (определяющие окружающий мир ребенка одного-полутора лет), то сразу же придем к противоречию: при трансформации таких слов в лексику праязыка они не смогли бы стать многозначными. Из диффузных значений не могут образоваться производные значения, поскольку размытое понятие не поддается дифференциации, расчленению на отдельные свойства.

Из однозначности лексики протоязыка следует, что ментальная репрезентация мира ранних *Homo sapiens* представляла собой сеть базовых концептов, и эти базовые концепты были элементарными единицами их мышления. А значит (см. выше рассуждения о росте языка ребенка), эволюция проточеловека должна была сопровождаться а) появлением в его представлении мира более дробного, чем базовые концепты, компонентного уровня, представляющего ментальные объекты в виде совокупностей их свойств и частей, б) соответствующим усложнением его мышления, способным оперировать этими более мелкими элементами и формировать метафорические и метонимические мысли и в) появлением в их языке производных лексических значений и механизма косвенной номинации.

4. Исчезла ли лексика протоязыка? При обсуждении вопросов эволюции протоязыка обычно констатируется, что, поскольку он недоступен непосредственному наблюдению, о его лексике достоверно ничего утверждать нельзя. Упомянем здесь точку зрения Т. Фитча, который к числу слабых сторон лексической теории протоязыка относит допущение, согласно которому «существовавший когда-то протоязык затем исчез, и следовательно, его нет у современного человека, так что его атавистические проявления (protolinguistic «fossils») [Fitch 2010: 433] возможны лишь в короткие периоды усвоения языка в раннем возрасте». Ранее этого вопроса касался Т. Дикон: «кажется маловероятным, чтобы он (протоязык. — А. К.) исчез столь быстро в период длительной эволюции нашего вида» [Deacon 1997: 384].

Согласно нашим рассуждениям, лексика протоязыка не исчезла бесследно. Во-первых, она целиком вошла в лексикон праязыка. Во-вторых, объединив этот вывод с рассуждением С. Старостина о глобальных этимологиях, мы получим следующее утверждение. Поскольку в лексиконе современных языков **присутствуют слова праязыка**, значит, в него транзитом проникли и слова протоязыка, см. рис. 2 (подробнее об этом см. в статье [Кошелев 2011а: 171 — 173]).

4. Заключение

1. Синтетическая концепция эволюции человеческого языка. Как мы видим, концепция финальной стадии языковой эволюции, основные положения которой здесь были представлены, получилась синтетической: она системно соединила в себе три относительно самостоятельные линии человеческой эволюции: представление знаний об окружающем мире, мышление и язык. По нашему мнению независимо описать эти линии невозможно. И прежде всего потому, что на своих нижних уровнях они неразделимы, а верхние уровни в процессе своего функционирования постоянно к ним обращаются. Говоря метафорически, человеческая эволюция развивается не как многоствольный куст (из одного корня), а как дерево, ветви которого растут из общего ствола. Разумеется, здесь представлены далеко не все «ветви», тесно взаимодействующие с языком. Некоторые из них обсуждаются в отдельной статье.

2. О степени надежности приведенных результатов. Упомянутая во введении полипарадигмальность исследований по языковой эволюции выдвигает на первый план вопрос о надежности а) «внешних» данных, на которые опирается автор, и б) полученных им выводов.

Можно предложить два общенаучных критерия надежности подобных исследований. Прежде всего, наиболее надежными мы считаем опору на данные, лежащие в русле устоявшейся научной традиции (все новое менее надежно, чем старое, особенно, если старое независимо открывалось в разными авторами). Используемые нами данные отвечают этому критерию. Оппозиция «основное *vs* производные значения» слова берет свое начало в Античности и через Средневековье разными путями приходит в Европу и в Россию, см. сноску 6. Исследования базовых концептов начались в 60-е гг. прошлого века (хотя истоки этой проблематики также можно найти уже в спорах реалистов и номиналистов). Их достоверность подтверждена в целом ряде независимых когнитивных и лингвистических исследований, см. об этом в [Лакофф 2004; Gallese, Lakoff 2005]. В определении и анализе мыслительной деятельности человека мы опираемся на классические исследования И. М. Сеченова, в частности, на его работу «Элементы мысли» [Сеченов 1952: 272—426], далеко опередившую свое время. Наконец, при исследовании когнитивного развития ребенка мы используем общую теорию развития, сформировавшуюся в трудах Я. А. Коменского, Г. Гегеля, Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Вл. С. Соловьева, И. М. Сеченова, К. Коффки, К. Левина и других мыслителей [Кошелев 2011б].

Второй критерий надежности связан с междисциплинарной значимостью полученных результатов. Как мы убедились, предложенная концепция лексической полисемии способна отвечать запросам одновременно глоттохронологии, онтолингвистики, теории глоттогенеза и, в какой-то мере, теории эволюции человека. Кроме того, с ее помощью оказывается возможным объяснить некоторые явления семантической микродиахронии: употребление знаменательных слов в окказиональных значениях и образование у них новых производных значений, см. об этом в статье [Кошелев 2012: 303—307].

Конечно, нельзя отрицать возможности построения других концепций, альтернативных приведенной. Но при этом каждая из них должна быть а) не менее надежной и б) не менее междисциплинарной, связывающей в рамках единого речемыслительного процесса различные аспекты человеческой деятельности.

Литература

- Бауэр 1985 — Т. БАУЭР. *Психическое развитие младенца*. М. 1985. [T. BAUER. *Psikhicheskoe razvitie mladenca*. М. 1985.]
- Бикертон 2012 — Д. БИКЕРТОН. *Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей*. М., 2012. [D. BIKERTON. *Yazyk Adama: Kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudej*. М., 2012.]
- Виноградов 1977 — В. В. ВИНОГРАДОВ. *Избранные труды. Лексикология и лексикография. Основные типы лексических значений слова*. М., 1977. С. 162—189. [V. V. VINOGRADOV. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij slova*. М., 1977. S. 162—189.]
- Гумбольдт 1984 — В. ФОН ГУМБОЛЬДТ. *Избранные труды по языкознанию*. М., 1984. [V. FON GUMBOL'DT. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. М., 1984.]
- Елисеева 2008 — М. Б. ЕЛИСЕЕВА. *Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста*. СПб., 2008. [M. B. ELISEEVA. *Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta*. SPb., 2008.]
- Исенина 1986 — Е. И. ИСЕНИНА. *Дословный период развития речи у детей*. Саратов, 1986. [E. I. ISENINA. *Doslovnij period razvitiya rechi u detej*. Saratov, 1986.]
- Казаковская 2010 — В. В. КАЗАКОВСКАЯ. Реактивные реплики взрослого и грамматики родного языка // ВЯ. № 3. 2010. С. 3—29. [V. V. KAZAKOVSKAYA. Reaktivnye repliki vzroslogo i grammatiki rodnogo yazyka // VYA. № 3. 2010. S. 3—29.]
- Козинцев 2010 — А. Г. КОЗИНЦЕВ. Предыстория языка: общие подходы // *Российский археологический ежегодник*, Т. 1, 2010. С. 642—646. [A. G. KOZINCEV. Predystoriya yazyka: obshchie podkhody // *Rossiiskij arkheologicheskij ezhegodnik*, Т. 1, 2010. S. 642—646.]
- Кольцова 1980 — М. М. КОЛЬЦОВА. *Развитие сигнальных систем действительности у детей*. Л., 1980. [M. M. KOL'COVA. *Razvitie signal'nykh sistem dejstvitel'nosti u detej*. L., 1980.]
- Кошелев 2008 — А. Д. КОШЕЛЕВ. О качественном отличии человека от антропоида // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. *Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка*. М., 2008. С. 193—230. [A. D. KOSHELEV. O kachestvennom otlichii cheloveka ot antropoida // *Razumnoe povedenie i yazyk*. Вып. 1. *Kommunikativnye sistemy zhivotnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka*. М., 2008. S. 193—230.] www.akoshelev.net
- Кошелев 2009 — А. Д. КОШЕЛЕВ. О когнитивных факторах развития детской речи // *Проблемы онтолингвистики — 2009: Мат-лы междунар. конф. (17—19 июня 2009 г., Санкт-Петербург)*. СПб., 2009. С. 54—61. [A. D. KOSHELEV. O kognitivnykh faktorakh razvitiya detskoj rechi // *Problemy ontolingvistiki — 2009: Mat-ly mezhdunar. konf. (17—19 iyunya 2009 g., Sankt-Peterburg)*. SPb., 2009. S. 54—61.] www.akoshelev.net
- Кошелев 2011 — А. Д. КОШЕЛЕВ. Почему полисемия является языковой универсалией? (Когнитивная природа и языковая функция многозначных слов) // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия Ю. Д. Апресяна*. М., 2011. С. 695—735. [A. D. KOSHELEV. Pochemu polisemiya yavlyaetsya yazykovoj universaliej? (Kognitivnaya priroda i yazykovaya funkciya mnogoznachnykh slov) // *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Sb. statej v chest' 80-letiya Yu. D. Apresyana*. М., 2011. S. 695—735.] http://www.ruslang.ru/doc/apresjan_festschrift2011/Koshelev.pdf
- Кошелев 2011a — А. Д. КОШЕЛЕВ. О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты) // *Интеграционно-дифференциальная теория развития* / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. М. 2011. С. 155—182. [A. D. KOSHELEV. O protoyazyke i ego transformacii v chelovecheskij yazyk (leksiko-semanticheskie aspekty) // *Integracionno-differencionnaya teoriya razvitiya* / Sost. N. I. Chuprikova, A. D. Koshelev. М. 2011. S. 155—182.] www.akoshelev.net
- Кошелев 2011b — А. Д. КОШЕЛЕВ. В поисках универсальной схемы развития // *Интеграционно-дифференциальная теория развития* / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. М. 2011. С. 217—234. [A. D. KOSHELEV. V poiskakh universal'noj skhemy razvitiya // *Integracionno-differencionnaya teoriya razvitiya* / Sost. N. I. Chuprikova, A. D. Koshelev. М. 2011. S. 217—234.] www.akoshelev.net
- Кошелев 2012 — А. Д. КОШЕЛЕВ. Значение слова как генеративный комплекс: когнитивное значение (связанная со словом структура концептов) → языковое значение (набор узальных смыслов) // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука*. М., 2012. С. 301—329. [A. D. KOSHELEV. Znachenie slova kak generativnyj kompleks: kognitivnoe znachenie (svyazannaya so slovom struktura konceptov) → yazykovoe znachenie (nabor uzual'nykh smyslov) // *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Sb. statej v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka*. М., 2012. S. 301—329.]

- Кошелев 2013 — А. Д. КОШЕЛЕВ. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская Башня (О «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) (в печати). [A. D. KOSHELEV. Sovremennaya teoreticheskaya lingvistika kak Vavilonskaya Bashnya (O «mirnom» so-suschestvovanii mnozhestva nesovmestimyh teorii yazyka) (v pechati).]
- Лакофф 2004 — Дж. ЛАКОФФ. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. [Dzh. LAKOFF. *Zhenschiny, ogon' i opasnye veschi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii*. М., 2004.]
- Мудрак 2005 — О. А. МУДРАК. История языков (Лекция, 09 ноября 2005). [O. A. MUDRAK. *Istoriya yazykov* (Lekciya, 09 noyabrya 2005).] <http://www.polit.ru/lectures/2005/11/09/mudrak.html>
- Мюллер 2009 — М. МЮЛЛЕР. Лекции по науке о языке. М., 2009. [M. MYULLER. *Lekcii po nauke o yazyke*. М., 2009.]
- Панов 2004 — Е. Н. ПАНОВ. Знаки, символы, языки: коммуникация в царстве животных и в мире людей. М., 2004. [E. N. PANOV. *Znaki, simvol'y, yazyki: kommunikaciya v carstve zhivotnykh i v mire lyudej*. М., 2004.]
- Панов 2012 — Е. Н. ПАНОВ. Парадокс непрерывности: языковой рубикон: О непроходимой пропасти между коммуникацией у животных и языком человека. М., 2012. [E. N. PANOV. *Paradoks nepreryvnosti: yazykovoj rubikon: O neprokhodimoj propasti mezhdru kommu-nikaciej u zhivotnykh i yazykom cheloveka*. М., 2012.]
- Пинкер 2004 — С. ПИНКЕР. Язык как инстинкт. М., 2004. [S. PINKER. *Yazyk kak instinkt*. М., 2004.]
- Реформатский 1996 — А. А. РЕФОРМАТСКИЙ. Введение в языкознание. М., 1996. [REFORMATSKIY A. A. *Vvedenie v yazykoznanie*. М., 1996.]
- Сеченов 1952 — И. М. СЕЧЕНОВ. Избранные произведения. Т. 1. Физиология и психология / Ред. и посл. Х. С. Кош-тоянца. М. 1952. [I. M. SECHENOV. *Izbrannyye proizvedeniya*. Т. 1. *Fiziologiya i psikhologiya* / Red. i posl. Kh. S. Koshtoyanca. М. 1952.]
- Г. Старостин 2013 — Г. С. СТАРОСТИН. Языки Африки: Опыт построения лексикостатической классификации. Т. 1: Методология. Койсанские языки. М., 2013. [G. S. STAROSTIN. *Yazyki Afriki: Opyt postroeniya leksi-kostaticheskoy klassifikacii*. Т. 1: *Metodologiya*. Kojnsanskyye yazyki. М., 2013.]
- С. Старостин 2003 — С. А. СТАРОСТИН. У человечества был единый праязык // *Знание — сила*. 2003. № 8. С. 39—44. [S. A. STAROSTIN. U chelovechestva byl edinyj prayazyk // *Znanie — sila*. 2003. № 8. S. 39—44.]
- С. Старостин 2007 — С. А. СТАРОСТИН. О доказательстве языкового родства // С. А. СТАРОСТИН. *Труды по языкознанию*. М., 2007. С. 779—793. [S. A. STAROSTIN. O dokazatel'stve yazykovogo rodstva // S. A. STAROSTIN. *Trudy po yazykoznaniiyu*. М., 2007. S. 779—793.]
- Томаселло 2011 — М. ТОМАСЕЛЛО. Истоки человеческого общения. М., 2011. [M. TOMASELLO. *Istoki chelovecheskogo obscheniya*. М., 2011.]
- Цейтлин 2000 — С. Н. ЦЕЙТЛИН. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000. [S. N. TSEJTLIN. *Yazyk i re-benok: Lingvistika detskoj rechi*. М., 2000.]
- Шишков 1803/2010 — А. С. ШИШКОВ. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803; 2-е изд., испр. М., 2010. [A. S. SHISHKOV. *Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossijskogo yazyka*. SPb., 1803; 2-e izd., ispr. М., 2010.]
- Шмелев 1977 — Д. Н. ШМЕЛЕВ. Современный русский язык: Лексика. М., 1977. [D. N. SHMELEV. *Sovremennyy russkij yazyk: Leksika*. М., 1977.]
- Baldwin 1991 — D. BALDWIN. Infants' contributions to the achievement of joint reference // *Child Development*, 1991. 62. P. 875—890.
- Bickerton 1990 — D. BICKERTON. *Language and Species*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990.
- Bickerton 2007 — D. BICKERTON. Language evolution: A brief guide for linguists // *Lingua*. 2007. 117. P. 510—526.
- Bickerton 2008 — D. BICKERTON. But how did protolanguage actually start? // *Interaction Studies*. 2008. 9 (1). P. 169—176.
- Brugman, Lakoff 1988 — C. BRUGMAN, G. LAKOFF. Cognitive topology and lexical networks // S. L. SMALL, G. W. COTTRELL, M. K. TANENHAUS (eds). *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence*. San Mateo (CA), 1988. P. 477—508.
- Calvin, Bickerton 2000 — W. H. CALVIN, D. BICKERTON. *Lingua ex machina: Reconciling Darwin and Chomsky with the human brain*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Chomsky 2005 — N. CHOMSKY. Three factors in language design // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36. № 1. Winter 2005. P. 1—22.

- Chomsky 2010 — N. CHOMSKY. Some simple evo-devo theses: how true might they be for language? // R. K. LARSON, V. M. DÉPREZ, H. YAMAKIDO (eds). *The evolution of human language: biolinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Clark 2009 — E. V. CLARK. *First Language Acquisition*. 2nd ed. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Deacon 1997 — T. W. DEACON. *The Symbolic Species: The co-evolution of language and the brain*. N. Y.: Norton, 1997.
- Fitch 2010 — W. T. FITCH. *The Evolution of Language*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Gallese, Lakoff 2005 — V. GALLESE, G. LAKOFF. The brain's concepts: the role of the sensory-motor system in conceptual knowledge // *Cognitive neuropsychology*. 2005. 22. P. 455—479.
- Ganea et al. 2007 — P. A. GANEA, K. SHUTTS, E. S. SPELKE, J. S. DELOACHE. Thinking of things unseen: Infants' use of language to update mental representations // *Psychological Science*. 2007. 18 (8). P. 734—739.
- Hauser et al. 2002 — M. D. HAUSER, N. CHOMSKY, W. T. FITCH. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*. 2002. 298. P. 1569—1579.
- Hewes 1977 — G. W. HEWES. Language origin theories // *Language learning by a chimpanzee: The Lana project*. N. Y., 1977.
- Jackendoff 2007 — R. JACKENDOFF. *Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 2007.
- Jackendoff 2010 — R. JACKENDOFF. Your theory of language evolution depends on your theory of language // R. K. LARSON, V. M. DÉPREZ, H. YAMAKIDO (eds). *The evolution of human language: biolinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Kassian et al. 2010 — A. KASSIAN, G. STAROSTIN, A. DYBO, V. CHERNOV. The Swadesh wordlist: an attempt at semantic specification // *Journal of Language Relationship*. 2010. 4. P. 46—89.
- Klein, Edgar 2002 — R. G. KLEIN, B. EDGAR. *The Dawn of Human Culture*. John Wiley & Sons, New York. 2002.
- Markson et al. 2008 — L. MARKSON, G. DIESENDRUCK, P. BLOOM. The shape of thought // *Developmental Science*, 2008, 11(2). P. 204—208.
- Mervis 1987 — C. B. MERVIS. Child-basic object categories and early lexical development // U. NEISSER (ed.). *Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 201—233.
- Murphy 2002 — G. L. MURPHY. *The Big Book of Concepts*. Cambridge, (MA): MIT Press, 2002.
- Norvig, Lakoff 1987 — P. NORVIG, G. LAKOFF. Taking: a study in lexical network theory // *Proceedings of the 13th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting*. Berkeley: BLS, 1987. P. 195—206.
- Ruhlen 1996 — M. RUHLEN. Language origins // *National Forum* 76, 1996. P. 28—30.
- Tomasello 2003 — M. TOMASELLO. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 2003.
- Xu 2007 — F. XU. Sortal concepts, object individuation, and language // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. 11. P. 400—406.

Alexey KOSHELEV. On the final stage of the evolution of language (lexico-semantic aspect).

The article demonstrates that 1) “words” in the human Pre-language must have been monosemic and could only have basic meanings; 2) in the process of transformation of the Pre-language into the Proto-language these “words” became polysemic, thus acquiring metaphoric and metonymic meanings; 3) those who are able to understand and generate metaphors and metonymies possess a human understanding of reality, a well-developed mind and the ability to use the polysemic lexicon in a creative way.

Keywords: lexical Proto-language, evolution of language, polysemy, central sense, metaphor, metonymy, pre-language, language acquisition